

И. Н ГРЕБЕНКИН

ОТ ВОЙНЫ К РЕВОЛЮЦИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА В 1914–1917 ГГ.

Социальный феномен офицерства Российской императорской армии в течение последних десятилетий неоднократно привлекал внимание исследователей¹. Несмотря на значительные различия в оценках традиций его развития, его идеологии и морали, авторы в принципе сходились во мнении о том, что офицерский корпус дореволюционной России в массе своей был чужд политике. Этот факт совершенно справедливо аргументировался тем обстоятельством, что до 1917 г. одним из ведущих принципов царизма по отношению к армии была ее всемерная изоляция от политической жизни, что закономерно превращало офицерство в прослойку политически отсталую. В основе такого положения дел лежал естественный для самодержавия порядок, при котором политика как область деятельности считалась прерогативой лишь узкого круга элиты в лице самодержца и его ближайшего окружения. С другой стороны, власти имели все основания для тревоги, так как опыт XIX века являл немало примеров вмешательства представителей офицерства в политическую борьбу: от декабристов до военных кружков и групп народнической и социал-демократической направленности.

Для большинства исследователей исходным пунктом характеристики политического облика офицерства неизменно являлась взятая из присяги формула «За Веру, Царя и Отечество». Принимаемая в качестве «символа веры» русского офицера, в разные времена она служила либо для обоснования его патриотизма, неразрывно связанного с преданностью престолу, либо для того, чтобы представить офицерство монархической группировкой, послушным орудием на

¹ См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 267; *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 233–234; *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 287–288; *Плеханов А. А., Плеханов А. М.* Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917): Исторический очерк. М., 2003. С. 99–101.

службе самодержавия уже в силу своего сословного и имущественного положения. Ни та, ни другая модель, на наш взгляд, не позволяют вполне охарактеризовать политический облик офицерства России в конце XIX – начале XX века, так как его политическая культура совершенно не исчерпывалась подданническим типом, а социальный состав в пореформенные десятилетия заметно изменился за счет представителей самых разных слоев и сословий. Все это в значительной мере трансформировало систему его взглядов, представлений и ценностей. Монархическим офицерство того периода могло считаться лишь в силу лояльности политическому режиму. В свою очередь, принцип неучастия в политике исключал любую политическую активность: как оппозиционную, так и промонархическую.

Первая мировая война явилась причиной крайне динамичных перемен в состоянии российского общества, его отношений к институтам государства, возможностей внутренней мобильности, некоторых структурных характеристик и, как следствие, настроений и взглядов. Характер и масштабы военного конфликта, подобного которому не знала еще история России, определили первоочередное значение процессов, происходивших в связи с этим внутри российской императорской армии и ее кадровой основы — офицерского корпуса.

Развертывание массовой армии военного времени и высокие потери, которые офицерство несло на фронтах, потребовали создания соответствующих по численности командных кадров, что привело к соединению прежней кадровой основы с многочисленным пополнением. За годы войны в первый офицерский чин прапорщика было произведено около 220 тыс. человек и, по подсчетам специалистов, к октябрю 1917 г. в рядах армии насчитывалось около 250 тыс. офицеров². Даже увеличившись по сравнению с мирным временем более чем в 5 раз, офицерский корпус по отношению к 170-миллионному населению страны составлял ничтожную частичку в 0,15%, но, с учетом его роли в жизни и боевой деятельности армии в ходе войны и предстоящих революционных событий, проблема самоопределения офицерства в назревавшем социально-политическом конфликте представляется особенно важной.

² См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века: Очерки военного потенциала. М., 1986. С. 47; *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917–1920 гг. М., 1988. С. 28.

Главным итогом качественных изменений в офицерском корпусе за период войны следует считать абсолютную демократизацию его состава, нивелирование прежних сословных особенностей. Офицерство в социальном отношении теперь воспроизводило сословную структуру населения страны и представляло собой срез всех образованных или хотя бы грамотных людей³. Наиболее массовым типом офицера стал прапорщик пехоты, подготовленный по 3–4-месячному ускоренному курсу, либо получивший чин за боевое отличие или по представлению начальства вообще без специальной подготовки. Это обстоятельство, однако, неверно было бы абсолютизировать, так как и на втором, и на третьем году войны лицо армии продолжал определять прежний кадровый генералитет и штаб-офицерский корпус, командовавший соединениями и частями, работавший в штабах, различных службах и учреждениях, преподававший в военных учебных заведениях. На него в главной мере ложилась и ответственность за результаты боевой работы.

В условиях мировой войны не могла сохраняться прежняя отстраненность офицерского корпуса от политической жизни страны. Важнейшим фактором роста его политизации, как и для общества в целом, являлись военные трудности, временно сублимировавшие все прочие проблемы. Постепенное снижение боевых и моральных качеств вооруженных сил имело в своей основе глубинные социальные и политические проблемы императорской России и отражало прогрессирующий общественный кризис. Эти процессы с тревогой воспринимались массой строевого офицерства, непосредственно в политической жизни страны не участвовавшего. Состояние общества и государства по-своему влияло на его настроения.

В условиях войны на деле проверялись многие установки и ценности, которые в мирное время существовали и культивировались в декларативной форме. С другой стороны, массовое пополнение принесло в среду офицерства свой социальный и политический опыт. К 1917 г. в рядах армии находилось немало участников революционного движения, членов политических партий и лиц, им сочувствовавших. С началом войны в армию отправился ряд депутатов Государственной думы, являвшихся офицерами запаса. Двое из них — кадет поручик А. М. Колюбакин, октябрист подполковник А. И. Звегинцев — были

³ См.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 12.

убиты на фронте. Правый монархист прапорщик В. В. Шульгин после ранения вернулся в Думу. Пополнившие офицерский корпус достаточно многочисленные представители земской интеллигенции являлись носителями либеральных и умеренно левых взглядов.

Наконец, среди офицеров военного времени были представлены члены социалистических партий, такие как офицеры-большевики А. Я. Аросев, Р. И. Берзин, А. Э. Дауман, П. В. Дашкевич, Ю. М. Коцюбинский, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, А. Ф. Мясников, И. П. Павлуновский и др. Само их присутствие в войсках способствовало пропаганде левых взглядов и распространению там оппозиционных настроений, хотя масштабы этой деятельности до февраля 1917 г. не следует преувеличивать. Во фронтовых условиях она, чаще всего, сводилась к беседам с солдатами, при которых следовало соблюдать известную осторожность. Ветеран социалистического движения, впоследствии крупный советский ученый, академик С. Г. Струмилин, в чине прапорщика командовавший ротой 432-го Ямбургского полка на Северном фронте, вспоминал: «Нетрудно было намекнуть, что и русские помещики сухомлиновы и мясодовы не лучше немецких баронов, что немало у нас врагов и в собственной стране... Но гораздо труднее было проверить, в какой мере такие недосказанные мысли доходят по назначению, усваиваются и перевариваются в собственные выводы»⁴.

Образ действий и высказываний офицеров привлекал внимание охранных органов. В секретных донесениях жандармских управлений в Департамент полиции неоднократно отмечалось, что «большую роль в агитации среди солдат играют прапорщики-студенты»⁵. А. А. Свечин характеризовал офицерское пополнение из среды интеллигенции, пришедшее в его полк, как преимущественно социалистически настроенное, но не видел в этом проблемы для себя как командира, ибо в оценке качеств офицера в боевой обстановке на первый план выступало честное и профессиональное исполнение своих обязанностей⁶. Участие в общем деле защиты Отечества до поры

⁴ Струмилин С. Г. Из пережитого (1897–1917 гг.) // Воспоминания и публицистика. М., 1968. С. 170.

⁵ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. М., 1966. С. 190–191.

⁶ См.: Свечин А. А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 86–87.

объединяло людей самых несхожих взглядов. Предсудительной в этом кругу становилась лишь пораженческая позиция, по крайней мере, высказываемая открыто. Политизации офицерского корпуса куда более способствовали сам ход военных событий и развитие общественной ситуации в России, нежели работа политических партий. Взгляды офицерства, как и большинства населения, воспринимавшего политическую жизнь на уровне примитивных, обыденных стереотипов и штампов, изменялись под влиянием сложной и динамичной обстановки. Важнейшим фактором, определившим рост критических настроений в офицерской среде, являлись неудачи армии на фронте, ее очевидная неспособность одолеть противника. Попытки объяснить их неминуемо вели не столько к поиску причин происходящего, сколько к поиску виновных. В связи с этим отметим несколько смысловых конструкций, наиболее характерных для настроений офицерства, в особенности к рубежу 1916–1917 гг.

Вина за неготовность страны к войне, слабость ее вооруженных сил, отсталость экономики и недостатки культурного развития закономерно возлагалась на *политическое руководство страны и высшее военное командование*. Далекий в принципе от политических интересов и борьбы А. А. Брусилов так обозначил общий фон офицерских взглядов по этому поводу: «Можно сказать, что офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно»⁷. Различия в подобных мнениях наблюдались по линии оценок всего самодержавного порядка и степени личной ответственности за происходящее монарха. Наиболее консервативная часть офицерства, не склонная к критике последнего, сосредоточивала упреки на правительстве и генералитете, вернее, отдельных лицах из их числа, не связывая их с фигурой Николая II. Эту точку зрения, несомненно, представляет гвардейский ротмистр Н. В. Воронович, вспоминая: «На второй и особенно на третий год войны, когда мне пришлось соприкоснуться с последствиями преступной небрежности безответственных людей, стоявших во главе нашей военной администрации, я все более и более стал разочаровываться в том правопорядке, к которому привык с самых юных лет и который считал единственно правильным и справедливым. Но и тогда во мне пробуждалась лишь

⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С 201.

глубокая жалость к царю, к которому я никогда не питал неприязни. Если я позволял себе иногда осуждать его, то только за неудачный подбор советников и за слабохарактерность»⁸.

Более прагматичная и не столь связанная монархическими иллюзиями часть армейской элиты способна была продвинуться в своих рассуждениях несколько дальше. Подполковник Генерального штаба А. И. Верховский в начале 1917 г. записал в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все об этом говорят и... на этом все стоит»⁹.

Критика правящих кругов к тому моменту стала обычным явлением для армии как в тылу, так и на фронте. А. И. Деникин приводит слова некоего видного деятеля Земгора, который впервые побывал в армии в 1916 г.: «Я был крайне поражен... с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи»¹⁰. Разочарование властью и царившими в России порядками постепенно все более и более пронизывало офицерское сообщество. Военные события послужили формированию критического взгляда даже у людей совершенно лояльных и далеких от политики в довоенное время. М. К. Лемке, известный историк и публицист, проходивший службу в Ставке Верховного главнокомандующего, вспоминал о своем сослуживце С. М. Крупине, молодом офицере, призванном из запаса, исполнявшем обязанности адъютанта при М. В. Алексееве: «По его собственным словам, до войны он был настоящим чиновником, националистом, человеком, не особенно глубоко задумывавшимся над условиями русской жизни. Теперь он понял, что общество и правительство — два полюса; ... революция совершенно неизбежна, но она будет дика, стихийна, безуспешна, и мы снова будем жить по-свински». Лемке отмечает: «Да, и таких Крупиных теперь десятки тысяч. Он говорит, что сам знает мно-

⁸ Воронович Н. В. Вечерний звон // Потонувший мир. М., 2001. С. 122.

⁹ Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914 — 1918 г.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 31.

¹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1. С. 106.

гих, уму и сердцу которых ничего не сказал 1905 год, но все сказали 1914 и 1915 годы...»¹¹ Политическому самоопределению офицерства уже не препятствовали и такие, некогда непререкаемые формальные ограничения, как присяга на верность престолу. М. К. Лемке принадлежит еще одно наблюдение:

«Симптоматический рассказ корнета Андрея Андреевича Чайковского. Он часто бывает в доме княгини Друцкой-Соколинской, сын которой здесь вице-губернатором. Вся семья, особенно вице-губернатор, вполне черносотенная. Разговоры о политике ведутся очень оживленно всеми гостями, в числе которых бывают и наши офицеры. Недавно распалились в споре до того, что вице-губернатор аргументировал уже от принятой ими всеми присяги на верность службе: “Ведь вы же присягали!” “Да, — отвечал ему Чайковский, — но разве это был наш сознательный и свободный акт? Это было сделано нами по неведению; это скорее было вовлечение в невыгодную сделку с совестью. Да и потом мы присягали служить честно и нелицемерно, а существо понимания именно этих понятий изменилось у нас”»¹².

В конце 1916 г., когда непопулярность правительства достигла пика, взоры офицерства все более обращались к его главному легальному критику — Государственной думе. Гнев, обращенный в власти, и ожидания, связанные с Думой и думскими политиками, звучали в офицерских письмах с фронта: «А наше правительство и в ус не дует, оно делает не как лучше для народа, а как выгодно лично для себя... Волосы дыбом становятся от слухов, и все верят, потому что не созывают Думу, говорят, умышленно не созывают. Все удивляются на терпение в тылу»¹³. «С какой жадностью мы читали речи настоящих русских патриотов вроде Милюкова...»¹⁴.

Естественным для невысокого уровня политической культуры являлось объяснение проблем и военных неудач России наличием **внутреннего заговора**, германским влиянием в правящих верхах, деятельностью вражеских шпионов. Значительный общественный резонанс весной 1915 г. приобрело дело подполковника С. Н. Мясоедова, обвиненного в шпионаже в пользу Германии и казненного по

¹¹ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Минск, 2003. Т. 1. С. 201–202.

¹² Там же. Т. 2. С. 356.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 70об.

¹⁴ Там же. Л. 91об.

приговору военного суда. Факт его причастности к шпионажу в разное время весьма аргументированно оспаривали как эмигрантские, так и отечественные историки (С. П. Мельгунов, К. Ф. Шаццлло, Н. Н. Яковлев, О. Р. Айрапетов), считая, что «дело» явилось результатом интриг соперничавших во властных сферах группировок с целью компрометации и устранения военного министра В. А. Сухомлинова¹⁵. Тем не менее, современники не подвергали сомнению шпионство Мясоедова, пользовавшегося покровительством министра. Командир Корпуса жандармов генерал В. Ф. Джунковский настаивал, что Мясоедов проник в штаб 10-й армии в нарушение установленных служебных процедур и именно его деятельностью объяснял поражения войск армии в феврале 1915 г.¹⁶ Данная версия была принята высшими военными кругами, так как давала удовлетворяющее их объяснение фронтовым неудачам. А. И. Деникин и спустя годы заявлял на страницах мемуаров: «У меня лично сомнений в виновности Мясоедова нет»¹⁷. Он же, передавая мнение М. В. Алексеева, косвенно подтверждал и обвинения в измене императрицы Александры Федоровны¹⁸, которые упорно муссировались в 1916 г. Будоражившие общество слухи о проникшем всюду германском шпионаже имели скорее негативный эффект. Армейская масса, и в том числе офицерство, стала настороженно относиться к государственной верхушке.

Недоверие и раздражение в отношении властей распространялось на всю *политическую жизнь*, сущность которой была малопонятна строевому офицерству и воспринималась как сфера всевозможных спекуляций и злоупотреблений, происходящих в правительственных и думских кругах и, конечно, чуждых интересам фронта. Начальник штаба 64-й пехотной дивизии генерал А. Е. Снесарев, побывавший в конце 1916 г. в отпуске в столице, увидел, что Петроград «нервен, полон пересудов и сплетен, лишен нормальной, уравнове-

¹⁵ См., напр.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 30–31; Шаццлло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 2003. С. 190–201; Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 69–72.

¹⁶ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2 С. 531–532.

¹⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 216.

¹⁸ Он же. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 87.

шенной перспективы): «Что касается политического настроения, то оно однообразно левое: все повторяют упорную мысль, что правительство не хочет работать с обществом, что оно не считается с общественным мнением, что мы стоим на краю пропасти и т. п.»¹⁹.

Генерал не спешит разделять подобные настроения, но негодует по поводу думцев, превративших свою общественную миссию в прибыльное дело²⁰. Отношение фронтовиков к деятельности политиков с предельной эмоциональностью выразил Верховский: «В то время как мы выбиваемся здесь из сил, за нашей спиной в тылу идет какая-то вакханалия внутренней политики»²¹. Даже в массе своей не слишком политически развитые офицеры с тревогой воспринимали возрастание политической активности в тылу. Свои впечатления по этому поводу в конце 1916 г. высказывает в письме к жене казачий офицер, подьесаул А. А. Упорников: «Теперь, когда делать нечего, читаю газеты от строчки до строчки. Ну и кавардак же идет! Воображаю, какая жара теперь наверху и сколько происходит там неизвестных для нас событий. Впечатление такое, что каждый хочет урвать кусок повкуснее. А война — такая отличная декорация для всего этого»²². Спустя три недели он же пишет домой: «Политика меня перестала трогать. Газеты, когда они есть, читаю с отвращением»²³.

Наконец, всеобщей чертой настроений действующей армии и в частности офицерства являлось **недовольство происходящим в тылу**. Многочисленные пороки военного и политического руководства, постоянные проблемы со снабжением войск, сведения о тыловой повседневности рождали представление о том, что не только власть, но и общество отвернулись от фронта, и армия осталась единственной силой, борющейся за интересы России. В последний день 1915 г. А. И. Верховский записал в дневнике: «Еще одно болезненно, оскорбительно тяжело чувствуем мы сейчас в армии. После первого впечатления войны, когда вся жизнь как бы сосредоточилась в одном

¹⁹ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 35.

²⁰ См.: Там же. 2004. № 10. С. 52.

²¹ Верховский А. И. Указ. соч. С. 66.

²² Фронтовые письма есаула А. А. Упорникова периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 52.

²³ Там же. С. 53.

усилили, теперь нас забыли. Люди, приезжающие из России, оправившись от ран, говорят, что в России идет сплошной праздник, рестораны и театры полны. Никогда не было столько элегантных туалетов. Армию забыли...»²⁴ Убежденность в наличии пропасти, разделившей фронт и тыл, далее только усиливалась. Своеобразным свидетельством можно считать строки из стихотворного письма фронтовика, прапорщика А. Н. Жиглинского (конец 1916 г.): «Здесь газы и огонь — там золото, брильянты, / Тут деревянные, безвестные кресты — / Там гордо властвуют купцы и спекулянты, / А рядом — голод и хвосты»²⁵.

Озабоченность и тревогу фронтовиков вызывали очевидные признаки хозяйственного расстройтва в тылу. Известия об этом, наряду с приходившими из дома письмами, в избытке доставляли возвращавшиеся в части отпускники. Первое тяжелое впечатление у офицеров, отправлявшихся в отпуск, оставлял хаос, охвативший железнодорожный транспорт, и те трудности, с которыми была сопряжена дорога домой²⁶. Падение уровня жизни в тылу особенно волнует офицеров рабочего и крестьянского происхождения. Вернувшийся в сентябре 1916 г. из отпуска поручик Д. Оськин рассказывает сослуживцам²⁷: «Жизнь в тылу становится чрезвычайно дорога... Десяток яиц в деревне стоит семьдесят копеек, белой муки нет, масла тоже, сахар добывается с трудом. Поговаривают, что в городе скоро перейдут на отпуск хлеба по карточкам. В городе Козельске, где мне пришлось часто бывать, магазины пусты, товаров нет. В поездах множество спекулянтов, разъезжающих из города в город, в одном месте подешевле купить, в другом дороже продать. Население устало от войны, ждет с нетерпением мира».

К концу 1916 г. тревога за положение семей в тылу, недовольство дороговизной и ненависть к наживающейся на военных трудностях буржуазии — центральные темы не только солдатских, но и офицерских писем: «Бедные, бедные жители Москвы. Вы во власти

²⁴ Верховский А. И. Указ. соч. С. 66.

²⁵ «Я горд тем, что могу быть полезен России»: Письма русского офицера с войны // Источник. 1996. № 3. С. 29.

²⁶ См., напр.: Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 35; Герасимов М. Н. Пробуждение. М., 1965. С. 231.

²⁷ Оськин Д. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 256.

этих настоящих внутренних врагов — торговцев. Вот где сказался патриотизм русского купечества. Судьба в конце концов расправится с ним»²⁸. «Москва ведь не только центр всей России, но и центр всего нашего безобразия, спекуляции, нахальства, обдирательства. Там ведь более опасные враги, чем немцы...»²⁹.

Впечатление о противостоянии тыла фронту имело и причины психологического свойства. В некотором смысле они предвосхищали послевоенные проблемы бывших фронтовиков, которым предстояло адаптироваться к мирной жизни, а пока, оказываясь в тылу, они остро ощущали свое отчуждение среди общества, живущего иными проблемами и, более того, видевшего виновницей военных неудач армию. Именно эти чувства нашли отражение в одном из писем А. А. Упорникова: «Сейчас, в то время как мы иногда теряем последние силы, теряем здоровье и очень часто саму жизнь, в то время, когда у нас бывают недели, в которых нет времени даже умыться, на нас подчас смотрят чуть-чуть лучше, чем на обыкновенных разбойников. С такими взглядами мне пришлось встретиться в последнюю поездку и просто диву даешься, как много людей так думают. И это во время войны! Что же будет, когда замолкнет последний выстрел. Неужели же мы для многих, для большинства заслужили только презрение... Когда я думаю об этом, когда невольно вспоминаются вагонные и другие разговоры во время отпуска, то на душе накапливает страшное чувство обиды»³⁰.

Неизменное негодование фронтовиков вызывало виденное ими в тылу обилие молодых мужчин, как военных, так и штатских, избежавших фронта — офицеров запасных частей и различных воинских учреждений, гражданских чиновников, служащих военизированных организаций Земского и Городского союзов, получивших презрительное прозвище «земгусары и гидроулань».

Особого внимания заслуживают взгляды российского офицерства на цели и задачи войны тесно связанные с политическими знаниями и ориентирами. Исследователи приходят к выводу, что в начале XX века среди военной элиты русской армии преобладали представления о враждебном окружении России и угрозе ее безо-

²⁸ РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Л. 52 об.

³⁰ Фронтовые письма есаула А. А. Упорникова. С. 51.

пасности со стороны иностранных держав и на Западе, и на Востоке³¹. Обращаясь к истокам вмешательства России в мировой конфликт, русские военачальники объясняли его неизбежность геополитическим, экономическим, культурным и даже нравственным противостоянием Германии и России³².

В целом же, по признанию А. И. Деникина, «офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о “целях войны”»³³. Идея совместной коалиционной борьбы и солидарности с союзниками по Антанте никогда не занимала заметного места в его представлениях, а, будучи частью официальной риторики, постепенно вызывала все большее раздражение. В 1915 г. *непопулярность союзников* в войсках была уже такова, что командование не решалось ссылаться при постановке боевых задач на необходимость координированных действий с союзниками³⁴. Опыт войны убеждал в том, что Россия, если и не сражается с сильным врагом один на один, то выносит на себе основную тяжесть войны из-за недобросовестности союзников. Складывалось представление, что Россию окружают не враги и союзники, а лишь противники разной степени враждебности. А. Е. Снесарев упоминает, как в июле 1916 г. позиции его дивизии посетила группа японских офицеров. Русских не усыпляет временное ситуативное союзничество, и настороженность в отношении недавних противников на Дальнем Востоке сохраняется. Снесарев дает высокую оценку японцам и тут же делает весьма показательное замечание: «Воевать с ними, конечно, будем, но в первую голову или после англичан? — вот в чем вопрос»³⁵. По мысли генерала, России еще долго предстояло утвердиться в мире силой оружия. С началом войны более или менее единодушный отклик всего общества могла встретить только идея защиты Отечества от агрессии со стороны

³¹ Сергеев Е. Ю. Представленческие модели российской военной элиты начала XX века // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 248–249.

³² См.: Брусилов А. А. Указ. соч. С. 71–77; Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 227–229.

³³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 89.

³⁴ См.: Свечин А. А. Указ. соч. С. 381–382.

³⁵ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 9. С. 34.

Германии и Австро-Венгрии. Именно она и оставалась ведущим мотивирующим началом для всех категорий офицерства. Однако сами представления о Родине, ее благе и собственной за него ответственности изначально различались у представителей разных слоев общества, испытывая влияние описанного выше комплекса факторов.

Наибольшим единством отличались взгляды кадровых офицеров, для которых понятия о профессиональном и государственном долге были почти тождественны, но военные неудачи, очевидный регресс армии и государства вносили раскол в это сочетание. Обвинения в адрес высшего командования, властей, политиков — сил, олицетворяющих государство, приводили к естественному заключению, что именно государственная власть в существующем виде препятствует исполнению офицерством своего профессионального долга, а армии — достижению победы над врагом.

Куда более широким спектром оппозиционности в отношении государственных и общественных устоев были отмечены взгляды представителей иных социальных групп, пополнивших офицерский корпус в годы войны. Абстрактно-патриотические настроения самой лояльной среди них — интеллигенции — достаточно точно отражают рассуждения А. Н. Жиглинского в письме с фронта родным: «Я — русский, и всякий русский должен думать подобно... Это не квасной патриотизм, — ведь я пошел *не за правительство* (курсив мой. — И. Г.) ставить на кон смерти жизнь свою, а за маму, за тебя, за “малую” Родину, за всех родных и друзей, и я горд тем, что могу быть полезен вам и России»³⁶. Проникала в офицерскую среду и крайняя революционная точка зрения, отрицавшая абстрактное понимание отечества. Именно она прочитывается в письме бывшего московского студента, прапорщика Е. А. Петрова: «... Там на фронте миллионы солдат, призванные спасти “отечество”, сиречь российский капитал, российскую крестьянскую нужду, безработицу, холод, голод; сидят в слякоти, грязи... и как-то встает перед умственным взором сознание ответственности нас перед этим народом, который идет умирать бескорыстно за чужое добро... Сознывая эту вину, я начал работать в элементе, очень восприимчивом к вопросам современности, им я ясно очерчиваю, кто друг, кто враг, что время решать

³⁶ «Я горд тем, что могу быть полезен России»... С. 24. Данное письмо от 14 июня 1916 г. Жиглинский адресует своей тете С. Е. Гибшман.

судьбу России пришло... если умру, то умру за дело, которое для меня почти что религия... умереть же *за правительство, за "отечество"* (курсив мой. — *И. Г.*) — нет, дудки, это не то что безнравственно, это дико, подло»³⁷. В конце 1916 г. Е. А. Петров привлёкся к дознанию как обвиняемый в революционной пропаганде среди солдат 184-го пехотного запасного полка, при этом его принадлежности к социал-демократическим организациям выявлено не было.

В условиях общественного, политического, хозяйственного кризиса, охватившего Россию на рубеже 1916–1917 гг., во взглядах офицерства, так или иначе, находили отражение настроения самых широких слоев общества. Их общим фоном являлись теперь усталость и разочарование в ходе военных событий, раздражение деятельностью властей и командования, отношением общества к армии, признаки отсутствия внутреннего единства. Этот фон ярко предстает в одном из офицерских писем: «Вы думаете, что только я один потерял терпение, нет, его уже все офицеры и солдаты давно потеряли и ждем мы — или "мира", или война кончится тем, что серые шинели сами ее кончат, без всякого начальства. А об этом уже давно поговаривает вся армия»³⁸. Так подавляющее большинство офицерства, ощущая безуспешность и бесперспективность своей службы и ратного труда, постепенно накапливало потенциал конфронтационных настроений. Слабость власти и утрата ею остатков авторитета в известном смысле представляла угрозу профессиональным интересам офицерского корпуса. Осознание этой угрозы постепенно превращало офицерство в оппозиционную общественную силу.

³⁷ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. С. 428.

³⁸ РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 70 об.